

стремление русской православной церкви воспринять особенности современной культуры, православие все же остается достаточно приверженным к неизменности тех идеалов, которые идут из прошлого, и сопротивляется давлению новизны. В этом аспекте русская православная церковь сталкивается с основной дилеммой своего положения в современном мире: сохранение традиций в рамках изменяющейся и модернизирующейся действительности.

Таким образом, сохранение русской ментальности на основе православных традиций возможно лишь с учетом современных тенденций развития государства, общества и культуры, выходом на уровень общемировых ценностных ориентаций и гармоничным включением национальных традиций в контексте процесса глобализации.

¹ Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. Ростов-на-Дону, 1997. С. 300.

ЗАГОРОДНОВА И.В.

г. Саранск

РОЛЬ АРХЕТИПОВ СОЗНАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ВОСПИТАНИЯ В СОХРАНЕНИИ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ.

Воспитание это – действия осознанные или неосознанные, постоянно осуществляющиеся по отношению к подрастающим поколениям. Человечество в процессе эволюции передавало культурные ценности через систему воспитания. Воспитание в любом обществе являлось естественным механизмом, обеспечивающим передачу жизненного опыта и ценностей, в участвующих в процессе становления личности, формирующих «модель общекультурных повседневных отношений». Каждый культурно-исторический тип формировал свою собственную систему воспитания, поскольку развитие любого народа возможно только в рамках своего собственного культурно-исторического типа. Сегодня адаптивные возможности человека подвергаются серьёзным испытаниям: в условиях отрыва от собственной традиции и открытости чужой культуре, пространство заполняется чужими идеями, ценностями, представлениями, вводящими человека в «культурное заблуждение». Как следствие – утрата индивидуальной и коллективной идентичности, а значит – неспособность общества к социальной деятельности.

Мы имеем намерение отстоять позицию, заключающуюся в том, что детей необходимо воспитывать в условиях, способствующих поддержанию культуры предков – ради сохранения духа и «природосообразности интеллекта». Ведь большинство этих традиций рассчитано на установление гармонии внутри социальной общности. Известно также, что игнорирование социального наследия грозит такими последствиями как разрушение механизма культуры, а через него и распадом внутриличностных связей и отношений.

Индивид является основным элементом интеллектуальной и нравственной культуры человечества, воспитание же должно всеми возможными способами стараться содействовать их развитию. В этом состоит и роль педагогики. Чтобы педагогическая мысль смогла произвести полезные действия, которые мы вправе от нее ожидать, нужно подчинить ее соответствующей культуре. Это требует существенных изменений в содержании образования, так как сказанное предполагает ориентацию образования на национальную культуру.

Воспитание – это часть культуры, которая формирует культурно-исторический тип. Н.Я. Данилевский полагает, что развитие народа возможно только в рамках культурно-исторического типа. Он рассматривает этот процесс как основной интерес человеческой свободы и всечеловеческого прогресса. Данилевский рассматривает следующие культурно-исторические типы – египетский, китайский; ассирийско-вавилонский; халдейский или

древнесемитский; индийский; иранский; еврейский; греческий; римский; ново-семитский или арабийский; германо-романский или европейский; русский. Из них к современным культурно-историческим типам со своими космо-психо-логосами принадлежат: идийский, китайский, японский, иранский, романо-германский, русский. Русский культурно-исторический тип основан на Православии¹.

В современной социальной науке создана концепция космо-психо-логосов наций. Исходя из этой концепции, космо-психо-логосы более выражены именно у культурно-исторических типов. Наций, в соответствии с этой теорией, не существует, есть субэтноты в гиперэтнотсах и субэтнотсах (Л.Н. Гумилев). Следовательно, каждый человек идентифицирует себя в том или ином субэтнотсе, имея субстанциональность в космо-психо-логосе народа, например, я мордвин и русский. То есть каждый народ ассимилируется культурным типом, который представляет собой субстрат сохранения народа². Стало быть, русский менталитет видится системообразующим для всего российского социума. Исходя из этого, наиболее благоприятной представляется ориентация образовательной политики на менталитет русского народа. Из этого следует, что стратегической задачей образования может быть возврат к ценностям русской школы и выработке нравственных убеждений на почве воспитания и образования в национальном духе. Н.Г. Дебольский отмечал, что историческое достоинство племени состоит в его силе борьбы за свой духовный тип, и именно понятие «духовного типа», в его представлении, являлось признаком национальности.

А.А. Гагаев считает, что в мышлении культурно-исторических типов есть не только тождественное (здесь он ссылается на типические структуры русского национального мышления, выделенные С.Л. Франком), но и различное. Аспекты отражения одних и тех же объектов, как и аспекты видения в одних космо-психо-логосах одни, а в других – другие³.

В этой связи мы встаем перед необходимостью получить объяснение на вопрос о том, чем определяется поведение человека: врожденными или приобретенными свойствами? Это, во-первых, нас будет интересовать аспект доминирования самобытных элементов и заимствованных, как в поведении, так и в формировании педагогических систем. Во-вторых, мы рассмотрим понятие «менталитет». Ответы на обозначенные вопросы для нас важны, так как, ориентируясь на них, мы предпримем попытку проанализировать проблему соотношения ментальности, архетипов сознания и формирования педагогических систем.

В поисках ответа адресуемся к рассуждениям антропологов, этнологов, этнопсихологов, гуманистов. Прежде всего, обратимся к рассуждениям гуманистов, которые решают проблему соотношения биологических и социальных основ. В частности, одна из концепций механизма психических функций (Б.Г. Ананьев) отстаивает точку зрения, противоположную нашей. В соответствии с ней операционные механизмы не содержатся в самом мозге – субстрате сознания, они усваиваются индивидом в процессе воспитания, образования.

Кроме этого считаем необходимым обратиться к концепции известного этнолога Франца Боаса, которого считают архитектором современной этнологии. Основанием теории Боаса послужило то, что он отверг теории и методы изучения человека, признаваемые XIX веком. Главным положением, которое отстаивал он в научной полемике, было возражение против применения общих теорий и схем при изучении культуры различных племен, народов. Тем самым он создал плацдарм для новых теорий и подходов. Сам он исходил в утверждении этого из представления, что каждая культура имеет свой собственный уникальный путь развития. Он считал, что каждая культура может быть понята только как историческое явление. В понимании Боаса, культурой являлась совокупность моделей поведения, которые усваивались человеком в процессе взросления, а, значит, социализации или воспитания, и принятой им культурной роли. Он был уверен, что не только язык, но и эмоции являются результатом нашей общественной жизни и истории народа, к которому мы принадлежим. Боас отстаивал мнение, что любой культурный элемент должен пониматься только в целостном культурном контексте, частью которого он является. Что же касается

заимствований, то, в соответствии с его теорией, заимствованный элемент переосмысливается и приобретает иное значение.

С точки зрения психологической антропологии принцип развития и изучения различных культур принимается. Ставится под вопрос только характерное для этнологии предположение о переосмыслении заимствованных элементов.

Таким образом, мы можем сделать предварительный вывод: поведение человека является следствием условий, определивших их появление. Это значит, что поведение по своему происхождению и значению носит социальный характер и имеет отношение к области общественного сознания.

Общественное сознание играет большую роль в историческом развитии. Это актуальный фактор, обуславливающий поведение людей, поскольку он является фактором общественного сознания. Сам исторический процесс, в отличие от сознания, в концепции ментальностей трактуется как потенциальная причина. Сознание считается актуальным, поскольку оно определяет поступки и поведение людей. Сознание включает в себя различные формы.

Мы имеем в виду идеи, в частности, педагогические идеи, являющиеся существенными в определении педагогических систем. Формы общественного сознания отражают бытие людей. И в каждом обществе на отдельном историческом этапе есть определенные специфические условия для формирования сознания. Это могут быть: «... культура и традиции, язык, образ жизни и религиозность – они образуют своего рода матрицу, в рамках которой и формируется ментальность»^{iv}. В соответствии с определением В.А. Шкуратова, «Ментальность... – это уровень сознания, на котором мысль не отделена от эмоций, подсознательных стереотипов и шаблонов»^v. В политологическом энциклопедическом словаре 1993 г. «менталитет» трактуется как комплекс духовно-психологических свойств, общих членам группы, предопределяющих их самосознание и мировосприятие. Такая интерпретация понятия «менталитет» допускает то, что это свойство этноса является корневым и определяет культуру, жизнь, судьбу этноса. Вероятно, оно может быть обусловлено генетически, поэтому не исчезнет до тех пор, пока существует народ.

Кроме всего сказанного, не следует забывать, что различные педагогические системы – продукт мысли человека, поэтому они являются отображением их творца – человека. Или продуктом их мысли, сознания. А осознать, с точки зрения абстрактного мышления, значит, найти мысленное содержание, которое выражает смысл сознаваемого, то же, что и его истину. А истина, как известно, пребывает и после уничтожения самих фактов. В любой попытке познать или сознать что бы то ни было, происходит сравнение мыслей или содержания сознания, в результате чего обнаруживается истина, отражающая содержание сознания и сущее. Смысл познаваемого, – писал Е.Н. Трубецкой «...предполагает такой абсолютный синтез, в котором все представления действительные и возможные необходимо связаны между собой, связаны раньше, чем я успел сознать или осмыслить эту связь»^{vi}.

Проблема соотношения сознательного и бессознательного не имеет однозначного решения и в психологии»^{vii}. В настоящее время появляется ряд работ, изучающих неосознаваемое в творчестве (Д.И. Дубровский, А.Г. Васадзе). Всё это позволяет прийти к выводу, что бессознательное – это неоспоримый участник деятельности человека, но оно не является единственным фактором, определяющим смысл.

Значит, педагогические системы – это объект некоего знания или, по выражению Ф.А. Степуна, «наличность некоего сознания», ставшая его объектом»^{viii}. Действительность же – это объективный мир, имеющий логическое начало. И педагогическая система как действительность или сущее, становящаяся объектом сознания человека, есть опыт, поскольку в его основе лежит осознание объективной связи между явлениями: он обусловлен логическим законом. В этом состоит суть Кантовой «критики опыта»: в основе всякого сознания, в основе всякой мысли есть логическое условие причинности. И, по Аристотелю, мышление должно опираться на причинно-следственные отношения. Таким образом,

педагогическая система как система идей имеет отношение и к сущему, поскольку сущее, в соответствии с учением Канта и его преемников определяется идеально, а действительность, соответственно, имеет идеальное начало. Если же связь явлений реальна, она привносится изнутри субъектом, таким образом, педагогическая система как реальное явление – это продукт мысли человека (субъекта).

Можно сказать, что педагогическая система – это форма такого явления как педагогика, а явление как таковое предполагает отношение объекта к субъекту. Без субъекта нет ничего в действительности, поскольку суть пространства и времени в явлении, а явление состоит в отношении объекта к субъекту.

Если же исходить из определения «системы» как «плана, порядка, расположения частей целого»^{ix} (9;88), то любая система, будь то система учения, воспитания – это предначертанное устройство, предначертанное субъектом или автором. Здесь также необходимо учесть, что в деятельности автора взаимодействуют три начала: внешнее, внутреннее и личностное. Первое из них предусматривает то, что «система» вбирает прямые реалии времени, материальные и духовные факты, воссоздаваемой действительности. Внешнее характеризует дух времени, атмосферу, жизненный материал. Второе отображает жизненный опыт в виде сформировавшихся традиций, влияние среды. Наконец, третье включает то, что заложено в авторе социумом и психикой.

Следствие этого мы не можем не принимать в расчет ментальность людей, участвовавших в создании педагогических систем. Причем здесь, в соответствии с мнением отечественных исследователей В.С. Жидкова и К.Б. Соколова, мы должны обратиться и к «потаянным областям их сознания», в виду того, что они против намерений и воли творца отражаются в созданном ими^x. Прежде всего, мы ведем речь об архетипических представлениях, как результатах совместной работы сознания и коллективного бессознательного. Эти архетипические представления или «символы» «...есть единство прозрачного сознанию образа и стоящего за ним сокровенного и неэксплицируемого смысла, уводящего в бессознательные глубины психики»^{xi}. Эта мысль напрямую связана с определением архетипа, трактуемого в классическом психоанализе Фрейда Юнгом.

Несмотря на то, что архетипические структуры обозначаются нами как образующие ментальность, этот компонент детально не рассматривается в силу недостатка фактического материала, так как архетипические структуры ментального опыта практически не изучены.

Педагогическая наука теснейшим образом связана с практикой и образует единый деятельностный цикл в сфере образования. Целостность системы образования обеспечивается жесткой направленностью деятельности всех образовательных учреждений на реализацию единого для всех информационно-знанийевого типа образования (набор установок, мировоззренческих идей). Далее мы переходим ко второму аспекту, связанному с доминированием самобытных элементов и заимствованных.

Педагогика, как гуманитарная наука, напрямую связана с душевным и духовным миром человека, поэтому воспитание, созданное определенным народом, должно основываться на народных началах. Фундаментом его не могут быть идеи, заимствованные у других народов. Не случайно в современных исследованиях, посвященных заимствованиям в период петровских реформ, утверждается, что Россия сумела сохранить свою культурную самобытность^{xii}.

Ещё К.Д. Ушинский, в ответе германским теоретикам сформулировал положение о том, что у каждого народа своя особая национальная система воспитания^{xiii}. Соответственно основой русской национальной педагогики является Православие и византизм как фундамент культурного организма России. То есть коренное свойство или основание нашей жизни, сознания, нравственности является «христиански-отечественный дух», с которым и должно быть связано воспитание, чтобы дух этот стал нашим отличительным свойством, частью нашего характера и нрава.

Мы вслед за мыслителями XIX и XX вв. (Н.Я. Данилевским, К.Н. Леонтьевым, О. Шпенглером, С.Н. Трубецким, К. Леви-Строссом, Л.Н. Гумилевым) считаем, что

«общечеловеческие ценности» – это подмена понятий и попытка в качестве единственного образца навязать ценности западноевропейской культуры или романо-германского культурно-исторического типа. Дьякон Александр Шумский, размышляя о православной педагогике, говорит, что абстрактно «общечеловека в природе не существует»^{xiv}. В связи с этим интересной представляется мысль доктора психологических наук, профессора В.Д. Шадрикова: «Только поднявшись на вершину национальной культуры, человек может раскрыть для себя общечеловеческие ценности»^{xv}.

Причём, именно естественная этническая история людей раскрывает механизм проявления «природосообразного» или «противоприродного» мироощущения. Так, чувство принадлежности к миру и жизни обусловлено адаптированностью человека к социальной среде. Оно выражается совпадением или несовпадением этнического стереотипа поведения в социальном взаимодействии. Если самоощущение и поведение человека совпадает с этническим стереотипом, то это не приводит к социальным и психологическим катастрофам, но если «родными» представляются элементы чуждых религиозных и национальных систем, противостояние неизбежно. Что соответствует состоянию, в котором находятся Россияне. На нас обрушиваются потоки западной псевдокультуры: инородные традиции, нормы поведения, заимствованные термины, – всё это чужеродная среда обитания, она обрывает историческую связь поколений, подрезает национальные корни. Социальные катаклизмы вторгаются и в систему традиционного школьного воспитания, разрушают концептуальные позиции и методы работы с детьми, о чем говорят конкретные исследования^{xvi}. Противостояние может быть проявлено на личностном уровне в виде склонности к нарушению норм, но более серьезные последствия оно может иметь в виде замалчивания, искажения, подмены (общечеловеческое – национальное).

Образование является фактором, формирующим личность. Поэтому так важны стратегические решения, которые принимаются в области образования: систему нельзя перестраивать «противоестественно». Из сказанного следует то, что человеческому существу в педагогической системе для психологического комфорта необходима система или шкала ценностей, которая задается природой архетипа поведения. Поэтому в процессе обучения или при формировании педагогических систем мы должны адекватно отображать уклад жизни, воспитывающий человека, поскольку он является культуuroобразующим фактором, в противном случае – человек будет испытывать психологический дискомфорт. Поэтому воспитание должно осуществляться в национальном духе ради того, чтобы в периоды «обновления» оно могло сохранить ментальность или то, что существует в глубине народного духа. Мы убеждены, что архетип и ментальность как определяющие факторы служат стимулятором и основой становления социально-территориальной общности.

Итак, резюмируя сказанное, следует отметить: в рамках каждой культуры исторически складывается и закрепляется своя национальная система воспитания, напрямую связанная с доминирующими в обществе материальными и духовными ценностями, которые во многом определяют конкретное содержание педагогической системы. Система воспитания, созданная определенным народом, помогает сохранить его культуру и духовность, и приобщить к ним подрастающие поколения.

ⁱ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.

ⁱⁱ См.: Гачев Г. Наука и национальные культуры. Ростов / н. Дону, 1992.

ⁱⁱⁱ См.: А.А. Гагаев. Этносоциальное сознание русского народа / Социальное бытие человека. Пенза, 1998.

^{iv} Цит. по: Шкуратов В.А. Историческая психология. Ростов-на-Дону, 1994.

^v Там же.

^{vi} Цит. по: Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Русские философы (к XIX – н. XX вв.). Биографические очерки. Библиография. Тексты сочинений. М., 1994.

^{vii} См.: Общая психология. М., 1986.

^{viii} См.: Степун Ф.А. Жизнь и творчество с.140-185) //Русские философы конец XIX - середина XX века.

Биографические очерки. Библиография. Тексты сочинений. М., 1994.

^{ix} См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание. С.-П. – М., 1882.

^x См.: Жидков В.С., Соколов К.Б.. Десять веков российской ментальности. СПб, 2001.

^{xi} Цит. по: Всемирная энциклопедия: философия / Главный научный редактор и составитель Грищанов А.А..М., 2001.С.75.

^{xii} Там же.

^{xiii} См.: Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т. Т.2. Сост. С.Ф. Егоров. М., 1988.

^{xiv} См.: «Десятина». № 15-16.

^{xv} Цит. по: Шадриков В.Д. Происхождение человечности. М.,2001.

^{xvi} См.: Иващенко А.В., Фролов Н.В. Нравственные ценности и особенности их освоения школьной молодежью в современных условиях. М.,1996.

КАРЕВ Е.И.
г. Новосибирск

СПЕЦИФИКА ТРАНСЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ МИФОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Изучение процесса трансляции социально-политических мифов предполагает различение и вычленение возможных каналов трансляции с учетом полимодальности значений, подразумеваемых термином «трансляция», и факторов, влияющих на протекание данного процесса. В самом слове «трансляция» имплицитно заложены как нейтральный смысловой ряд — «распространение», «передача», так и негативный — «навязывание», то есть использование кем-либо существующих каналов распространения социально-политических мифов в качестве действенной системы воздействия для манипуляции мнением, поведением людей через задание извне определенной, желаемой картины той или иной ситуации, проблемы, отношения.

В институциональном плане в передаче мифологических инфоконструкций задействованы как непосредственные институты социализации – семья, органы воспитания и образования (в той мере, насколько они проникнуты «духом» мифа), так и институты центральной власти, религиозные конфессии, политические партии и т. п.

Иной ракурс приобретает исследуемая проблема, если обратиться к вопросу о материальных носителях мифического сообщения.

Опираясь на представление об инвариантности информации к свойствам материальных носителей, мы обнаруживаем, что ими в равной степени могут быть устное слово, письменная речь; изображение (статическое и динамическое, объемное и плоскостное), надвербальные средства инфовзаимодействия (мимика, жест), наконец, формы прямого действия (демонстрации, митинги, факельные шествия с соответствующими лозунгами, символами, атрибутами).

Потенциальное совпадение каналов трансляции социально-политических мифов с теоретически и эмпирически выделяемыми каналами передачи социальной информации существенно осложняет анализ данной проблемы. В то же время это дает возможность установить градацию каналов трансляции социальной мифологии по степени доминантности, суггестивному воздействию на участников инфовзаимодействия.

Трансляция социально-политических мифов разворачивается как в пространственном, так и временном измерениях, в пределах настоящего (горизонтальный срез – инфополе) и в рамках поступательного движения «прошлое – настоящее – будущее» (вертикальный разрез информационного пространства).

Потенциальным объектом мифологизации предпочитают инфомодели, транслируемые через диахронные инфосвязи, квалифицируемые как архетипы, доверие к которым санкционировано социальным опытом предыдущих поколений, поэтому наиболее распространенный и устойчивый вариант социально-политического мифа — «миф о золотом веке», — будь то время становления государства, либо догосударственное состояние, либо период до определяющего судьбоносного решения, задавшего отрицательный вектор